

Революционерки и провокаторы, или две стороны одной медали

Анна Альчук

Российская история всегда была подвержена крайностям. В период с 1881 по 1917 годы это проявилось особенно наглядно. Оглядываясь на это время, мы видим, с одной стороны, предельно жестокий режим самодержавия, абсолютно незаинтересованный в реформах и просвещении народа; с другой стороны, отчаявшихся в возможности что-либо изменить, чего-либо добиться мирным путем революционеров. Экстремизм революционеров был реакцией на косность самодержавия; в свою очередь, реакцией на действие революционеров было ужесточение полицейского режима, переход карательного аппарата к неправовым действиям и переориентация полицейских структур на провокацию.

Директор службы царского тайного сыска Белецкий в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства говорил: «Мы боролись теми же путями, какими шла революция, с точки зрения закона мы наши действия не рассматривали, других способов уже не было»¹. Эти слова можно считать девизом всех органов госбезопасности как прошлого, так и нынешнего времени.

Реорганизация полиции началась после убийства народовольцами Александра II. Историк Игорь Симбирцев пишет: «Начиная с 1881 г. мы видим принципиально новую разновидность российских служб госбезопасности. В отличие от кажущегося теперь почти либерального Третьего отделения, они спокойно идут на провокации, тайные похищения и ликвидации, применяют бесчеловечные методы допроса арестованных. Они создают фиктивные террористические организации в своих целях. Именно с началом объявленной Александром III кампании антитеррора в 1881 г. и выдачей при этом определенных индульгенций службам тайного сыска происходит окончательный крен российской госбезопасности в сторону жестокости и попрания законов собственной страны, переданный затем в порядке эстафеты и спецслужбам Советского Союза»². В результате в период 1880-1917 гг. слова «жандарм» и «охранка» становятся главными ругательствами оппозиционных слоев российского общества и синонимами основной опасности со стороны власти.

Покончить с «Народной волей» был призван начальник охраны Георгий Судейкин. Судейкин, которого называли «русским Шерлоком Холмсом», опутал страну сетью тайных агентов. Работа была поставлена с размахом, в руках Судейкина находились большие денежные суммы, из которых финансировались полицейские агенты. Попадая в финансовую зависимость, провокаторы становились послушным орудием в руках полиции. Своих агентов охранка культивировала. Один из высокопоставленных жандармов, Зубатов, писал, что к провокаторам надо относиться, «как к любимой женщине, с которой состоят в тайной связи»³.

О ненависти, которую революционеры питали к охране, можно судить по воспоминаниям террористки Прасковьи Ивановской, описывающей свою «встречу с Судейкиным, ярким представителем этого типа гадов, гнуснее чего трудно себе представить». Он безуспешно пытался расположить ее к себе, говоря с ней об учении Маркса, теориях Дарвина и Ломброзо. «Грубый и лживый по природе, – писала она, – он был лихим дельцом на все руки в деле сыска... работал азартно, как игрок, не брезгуя никакими средствами... обводя вокруг пальца доверчивых людей»⁴.

Провокаторы, успешно внедрившиеся в революционные организации, даже становившиеся их признанными вождями, стали основной угрозой для революционного движения. Знаменитая революционерка Мария Спиридонова писала: «Можно с уверенностью утверждать, что административно-полицейская слежка, обыски, мелочный надзор, лишение всего, как было потом у нас на каторге, или облавы, погромы – все это бессильно перед энергией революционеров. Единственно уязвимое наше место – это провокация»⁵.

Из многочисленной армии провокаторов, среди которых были и женщины, особенно преуспели трое: Сергей Дегаев, Евно Азеф и Зинаида Жученко, которую называли «Азефом в юбке». Из них наибольшую известность получил Азеф, имя которого стало синонимом непрозрачности и зла. «Черная, как Азеф», фигурирует ночь в поэме Маяковского «Облако в штанах».

Впрочем, у Азефа был предшественник, бывший армейский капитан Дегаев. Именно Судейкин завербовал его, разработав план, когда Дегаева сфотографировали с несовершеннолетней проституткой, встреча с которой была организована полицейскими. Судейкин потом шантажировал Дегаева этими фотографиями и тем, что полиции было известно о его прежней революционной деятельности. Дегаев оказался весьма эффективным провокатором. Прежде всего он выдал Веру Фигнер. После ее ареста в 1881 г. Судейкин пытался ее завербовать, однако революционерка с возмущением отвергла это предложение, что побудило Судейкина написать о ней в служебных записках: «ужасная женщина». После ареста Фигнер Дегаев стал последним лидером Исполкома «Народной воли», что означало фактическое прекращение деятельности этой организации. Весь 1883 г. «Народной волей» руководил Исполнительный комитет, состоявший фактически

из одного Дегаева. Он уверял подконтрольных ему рядовых террористов, что есть еще члены Исполкома в подполье и за границей, и от их имени оглашал все решения, написанные для него в охранке Судейкиным.

Эта история взаимоотношений провокатора и его куратора на редкость поучительна, ведь убил Судейкина не кто иной, как Дегаев. Окончательно запутавшись в своей двойной игре, он покаялся перед товарищами по партии. Революционеры после серьезных колебаний решили дать ему возможность скрыться за границей (Дегаев дожил до глубокой старости и умер в США, в Южной Дакоте в 1920 г. профессором математики), если он организует убийство Судейкина. В 1883 г. Дегаев заманил Судейкина на квартиру, где он был убит ударом лома по голове вместе со своим племянником, служившим его охранником.

После фактического разгрома «Народной Воли» начинается период лихорадочной деятельности Департамента полиции, вошедшей во вкус опасных авантур и провокаций и часто инициировавшей создание террористических групп с целью демонстрации трону своей незаменимости.

На этом поприще особенно отличилась агент охранки Зинаида Гернгросс, впоследствии по мужу Жученко. Еще в 1893 г., будучи слушательницей Института благородных девиц, она сама явилась в Департамент полиции и предложила свои услуги в работе тайным агентом в любой антиправительственной организации. Она проникла в относительно мирный кружок социалистов-пропагандистов Ивана Распутина и уговорила его членов организовать покушение на императора. Жученко сама покупала нужные реактивы, переводила с французского руководство по изготовлению бомбы. Во время испытания этой бомбы все члены новоиспеченной террористической группы были арестованы. Кроме того, Жученко предложила организовать в Минске покушение на губернатора Курлова. Накануне провокации она принесла бомбу в охранку, где из нее был извлечен детонатор. Утром она вручила эту бомбу эсеру Пулихову. Когда он бросил ее в губернатора, она не взорвалась. Эта провокация стоила Пулихову жизни, потому что накануне следственной экспертизы в бомбу вновь был вложен детонатор, и она, естественно, взорвалась. Жученко разоблачил перебежавший к эсерам сотрудник охранки, который передал информацию «охотнику на провокаторов», как его тогда называли, социал-эмигранту, публицисту Бурцеву в 1909 году. На этом полицейская карьера Жученко закончилась. По личному указу Николая II она получила титул княгини и пожизненную пенсию от Департамента полиции.

Самодержавие не оставалось в долгу перед доносчиками и провокаторами. Даже когда охранке стала во многом известна зловещая роль Евно Азефа в организации терактов, кураторы Азефа пытались сделать все возможное, чтобы замять разрастающийся скандал. Единственный, кто пострадал из полицейских чинов, когда выяснилась провокационная роль Азефа по отношению к охранке, был разоблачивший его руководитель Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин, боровшийся с применением незаконных методов работы

Департамента. Его судили и приговорили сначала к 5 годам каторги за разглашение служебных секретов, а затем отправили в красноярскую ссылку.

Свою карьеру провокатора Азеф всерьез начал с выдачи Григория Гершуни, руководителя БО эсеров, что расчистило ему дорогу на вершину руководства эсеровским террором. С 1903 года именно Азеф отвечал за выбор тактики БО, в то время как Савинков руководил непосредственно терактами. Не случайно именно эти два человека, один из которых был выдающимся революционером-террористом, а другой – гениальным провокатором, руководствуясь различными мотивами, в одинаковой мере способствовали укреплению боевой организации, ее превращению в замкнутый орден профессионалов. Они переписали устав БО эсеров, добившись практической независимости от Центрального комитета партии в Женеве. Конечно, чтобы избежать подозрений со стороны своего начальства, Азеф вынужден был периодически сдавать революционеров охранке, но при этом он не пресек самые главные теракты 1904-05 гг.: убийство министра внутренних дел Плеве и московского градоначальника Великого князя Сергея Александровича Романова. Активная роль в организации этих терактов сделала Азефа кумиром эсеровских террористов. Руководство охранки ему удалось убедить, что Савинков не поставил его в известность о покушениях, а среди эсеров Азеф всячески подчеркивал свою роль в организации крупных терактов. После столь удачных и крупных покушений Азеф должен был расплатиться с охранкой выдачей революционных лидеров, что он не замедлил сделать. Он выдал «бабушку русской революции», инициатора создания партии эсеров, Брешко-Брешковскую, которая после убийства Плеве и Великого князя относилась к нему с благоговением. Благодаря Азефу в Севастополе полицией был схвачен Савинков. Последнему удалось бежать, при этом никто не заподозрил провокатора в предательстве. Именно Азеф выдал полиции террористку Дору Бриллиант, которая вскоре сошла с ума и умерла в Петропавловской крепости.

Ведя столь опасную и сложную игру, Азеф прекрасно понимал, что ходит по лезвию ножа. Он боялся разоблачений с двух сторон. Не случайно его заветной мечтой было уничтожение документов, хранящихся в охранке. С этой целью он, по свидетельству Симбирцева, призывал революционеров подготовить взрыв здания охранного отделения в Санкт-Петербурге. Более того, Азеф предлагал совершенно фантастические для того времени планы террористических операций, например: запустить снаряженный бомбами аэростат на Зимний дворец, чтобы взорвать его. В этом он оказался предтечей террористов 21 века; как мы знаем, подобный проект был реализован современными террористами в отношении башен-близнецов в Нью-Йорке с учетом имевшего место за 100 лет технического прогресса.

Многие писатели и историки пытались понять мотивы, которыми руководствовался знаменитый провокатор. Свои предположения высказывали и революционерки, долгое время работавшие под его руководством, не подозре-

вая об опасности. Их мнение об Азефе нередко совпадает со свидетельствами людей из противоположного лагеря. Начальник «тайной дворцовой полиции» Спиридович уже в эмиграции писал о провокаторе как о «корыстолюбивом и беспринципном эгоисте, работавшем то на пользу правительства, то революции в зависимости от момента и личной выгоды, самолично организовывавшем преступления и самолично выдававшим тайной полиции их участников ради собственной корысти»⁶. Симбирцев пишет, что «помимо неумной тяги прирожденного авантюриста к риску и огромного самомнения во всей этой истории Азефом двигал и финансовый мотив. Ему необходимо было содержать различных любовниц, часто из числа профессиональных жриц любви, а также иметь возможность вести привычный роскошный образ жизни. На это шли и крупные выплаты от охраны за выданных эсеров, и утаенные деньги из партийной кассы ПРС (*партии социалистов-революционеров. – А.А.*) на организацию терактов, так как активами БО ПСР (*боевой организации партии социалистов-революционеров. – А.А.*) и получением средств на террор от ЦК занимался почти единолично Азеф»⁷. Когда революционерка Мария Школьник приехала в Париж, ее поразила роскошь, которая окружала Азефа. По ее словам, он жил на одной из лучших улиц, занимал роскошную квартиру.

Интересные свидетельства об Азефе можно найти в воспоминаниях Ивановской. Она пишет: «Многие считали этого ловкого предателя необычайным честолюбцем, адски самолюбивым чудовищем... хотевшим совместить в своих руках всю власть, все могущество, быть “наибольшим” и тут, и там, никого не щадя, никого не любя». По ее мнению, «самым сильным дьяволом в его душе была подлая его трусость, ну, и... корысть». Однажды, зайдя на квартиру к его жене, она случайно застала такую сцену: на кровати лежал Азеф, «все его горой вздувшееся жирное тело тряслось, как зыбкое болото, а потное дряблое лицо с быстро бегающими глазами втянулось в плечи и выражало страх избиваемой собаки... Это большое, грузное существо дрожало, словно осиновый лист... только при мысли о необходимости скорой поездки в Россию. Это происходило после дела Плеве. Ситуация, им самим созданная, приводила все к большему падению, большей лжи, выпутаться из которых становилось все труднее. Предстоящая перспектива быть открытым становилась для него яснее, а предотвратить это – труднее, невозможнее»⁸.

Запутываясь все более, Азеф требовал от других радикальных действий. Ивановская продолжает: «В боевых работах он видел недостаточную последовательность, планомерность. Все силы БО, все внимание (*требовал он. – А.А.*) необходимо сосредоточить на министрах внутренних дел, снимать их одного за другим, не считаясь ни с характером деятельности занимавшего этот пост, ни с его личными качествами. Бить в этот пункт упорно, настойчиво, раз за разом, доколе не изменится существующее положение, ибо министр внутренних дел ответственен за весь строй жизни страны, он поддерживает и охраняет этот

строй в России. Об убийствах Азеф говорил как-то слишком упрощенно, как о самой простой, заурядной вещи»⁹. Призывая убивать министров внутренних дел, настроенный панически провокатор явно надеялся замести следы.

Характерной чертой всех воспоминаний об Азефе было то, что они писались под влиянием шока его разоблачения. *Post factum*, когда ошибка становится очевидной, люди припоминают многое из того, что прежде как бы не замечали. Мы храним на бессознательном уровне огромный пласт информации, которая может под влиянием определенных событий всплыть, а может остаться скрытой. Не случайно во всех действиях Азефа, так же как и в его внешности, мемуаристы постоянно подчеркивают черты предателя и провокатора.

По мнению Ивановской, внешность Азефа была необычайна и запоминалась на всю жизнь. «Высокого роста, толстая широкая фигура его опиралась несоответственно с туловищем на тонкие ноги. Длинные руки женской формы, вялые, мягкие вызывали при прикосновении неприятное ощущение чего-то склизкого, холодного, точно прикоснулся к холодной лягушке или слизняку. Глаза у него были карины, всегда бегающие, всегда как бы что-то высматривающие, но в них искрилось много ума и какой-то лукавой сметки. В особенности характерен был рот с эфиопскими толстыми губами... какое-то странное и не поддающееся объяснению сочетание было в этом типе: соединение добра и зла, нежной ласки и поразительной жестокости, соединение заботливой дружбы и предательства. В Вильне и Варшаве вспоминается, как он не пропускал мимо себя ни одного еврейского малыша, продававшего три коробки спичек, несколько иголок или крошечный мешочек сахарного песка. Это трогало и подкупало»¹⁰.

Террористка Валентина Попова, долгое время работавшая в руководимых Азефом динамитных мастерских, пишет, что у него было «какое-то широкое, каменное, точно налитое лицо. Внешность ростовщика, биржевого дельца... Сколько ни всматривайся, не найдешь ни одной черты, свойственной русскому интеллигенту»¹¹. Ее поразило сходство манер высокопоставленного жандарма Трусевича и Азефа. Когда она пришла к Азефу, чтобы получить от него революционное задание, он сказал:

«“Ведь в нашем деле и к веревочке надо быть готовой...” – и при этом провел своей пухлой рукой по короткой шее.

Трусевич же на допросе Поповой, галантно улыбаясь, сказал: “А вы приложили ручку к такому делу, за которое полагается веревочка...” – и для большей ясности тоже провел рукой по шее»¹².

Попова пишет, что долго не могла побороть своего недоверия к Азефу, и только под влиянием доверительного отношения к нему товарищей изменила свое мнение о нем.

Выдал Азефа диссидент в рядах полиции, Бакай, который перешел к эсерам. Он передал материалы о провокаторе неутомимому «главе красного сыска», как

его называли сами жандармы, Бурцеву. В 1908 году над Азефом был партийный суд, на котором присутствовала Вера Фигнер, после отсидки в крепости приехавшая в Европу. Азефа тогда спасли ее нерешительность, заступничество Савинкова и Карповича. Последний выхватил револьвер и грозил перестрелять за Азефа все ЦК партии и лично «клеветника» Бурцева. Провокатор был временно отстранен от руководства БО, боевики же требовали суда уже над Бурцевым. Окончательно разоблачил Азефа бывший глава тайной полиции Лопухин. Он встретился с Бурцевым и подтвердил факт работы Азефа на охранку. В полиции Азефу оформили новые документы, после чего он поселился в Германии. В 1914 году немецкая полиция арестовала Азефа как члена террористической группировки и поместила в политическую тюрьму Моабит. Выпущенный в 1917 году из заключения, ставшего косвенным наказанием за его предательство 1901-1908 гг., Азеф оказался в Берлине больной и нищий. В 1918 году, когда он умирал от почечной недостаточности в берлинской больнице, Спиридонова на съезде эсеров, попытавшихся после заключения Брестского мира перехватить власть у большевиков, кричала с трибуны, обращаясь к большевикам: «Вы – азефы революции!» Влюбленная в Азефа и до конца верившая в его невиновность перед партией террористка Татьяна Лапина, узнав правду о нем и будучи сама заподозрена революционерами в измене (хотя провокация исходила от Жученко), застрелилась.

Ужас разоблачения провокатора для революционерок состоял в непредставимости столь широкомасштабной измены. Дело в том, что сторонницы и сторонники индивидуального террора по своим мотивациям были абсолютными идеалистами. Отказавшись от материальных и символических благ, которые сулило им, как правило, их социальное происхождение, они вели жизнь своего рода аскетов, для которых деньги, материальные блага, слава, власть не имели значения. Вот что пишет революционерка Измайлович о своих ощущениях, когда она узнала, что ей предстоит смертная казнь: «Впереди было только одно **солнце**, такое сверкающее, прекрасное, что сердце билось от радости. Это **солнце** была наша идея. Она всегда жила в нас, но жила как-то абстрактно. Теперь же она была здесь, перед нами, в нас. Она и мы это было одно»¹³.

Идеи о необходимости свержения самодержавия и раздачи земли крестьянам принимают у революционерок экстатическую форму. Интересно, что метафора солнца, света, сияния встречается во многих текстах эсеров, когда они пишут о своей борьбе. «Сияние» распространялось также и на слово «мечь», когда речь шла о виновниках гибели товарищей по партии. Террорист Егор Сазонов писал из Шлиссербурга Прасковье Ивановской: «“Умереть за убеждения – значит звать на борьбу”, и моя тоска по погибшим претворяется в жгучее чувство мести их палачам и жажду борьбы... против ужасных условий, которые обрекают на гибель прекрасное, доброе, борьбы за идеалы, во имя которых они сложили головы, **озаренные сиянием** этих идеалов»¹⁴.

По свидетельству Марии Спиридоновой, «зачастую состояние под смертной казнью бывало полно нездешнего обаяния; о нем они всегда вспоминают, как о самой яркой и счастливой полосе жизни, когда *времени не было*, когда испытывалось глубокое одиночество и в то же время небывалое, немислимое до того любовное единение с каждым человеком и со всем миром вне каких-либо преград. И, конечно, это уже самой необыкновенностью своей, быванием между жизнью и могилой, не может считаться нормальным, и возврат к жизни зачастую встряхивал всю нервную систему»¹⁵.

Этот квазирелигиозный, утопический дискурс характерен практически для всех террористов. Однако в случае женщин-террористок он принимает форму крайней экстастики и начинает напоминать речь человека в измененном состоянии сознания. Это происходило, вероятно, потому, что в их случае речь шла о сверхтрансгрессии по отношению к их прежней жизни. Вызовом обществу для женщины того времени было уже получение высшего образования. На это требовалось разрешение от отца или мужа, а для поступления в высшее учебное заведение – справка о благонадежности из полицейского участка. Если получение образования было связано с преодолением массы сложностей (особенно это касалось еврейских женщин), то вступление на путь революционной, а тем более террористической борьбы было для женщины актом совершенно запредельным и требовало колоссальных жертв, связанных с потерей социального статуса, имущества, всего привычного уклада жизни. Порвав с многочисленными условностями прежней жизни, террористки вступали в особые отношения со смертью, причем не только своей собственной. Отказавшись от привычных женских ролей, связанных с воспроизводством рода, приумножения и поддержания жизни, женщина становилась на сторону смерти. Такие женщины проявляли невероятное бесстрашие и презрение к смерти. Как писал видный эсеровский публицист Зензинов: «Как оправдать убийство и можно ли вообще его оправдать? Убийство при всех условиях остается убийством. Мы идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни. С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования»¹⁶.

Но могла ли постоянная готовность умереть хоть в какой-то мере сдерживать уколы совести по поводу убийства других людей, которые не могли не испытывать эти высокоморальные женщины? «Благими намерениями вымощен ад». И если с помощью убийства террористки надеялись достичь всеобщего блага, то, как показывают уроки истории, они должны были быть готовы к тому, что та же логика презрения к чужой жизни ляжет в основу действий людей жестоких и корыстолюбивых. Попраание закона всегда чревато экстремизмом, рано или

поздно оборачивающимся чистой деструкцией. Евно Азеф стал воплощением этой деструкции. Своими действиями он как бы поставил под вопрос правомерность всего, что делали социалисты-революционеры; и они не могли этого не понимать, поэтому разоблачение Азефа стало для всех эсеров колоссальной и неизживаемой травмой.

Другая ситуация сложилась в лагере социал-демократов, пришедших к власти на плечах идеалистов-эсеров и вскоре развязавших массовый террор. У них тоже была своя знаковая фигура провокатора: Малиновский, представитель партии большевиков в Думе. Ленин поддерживал Малиновского при всех обстоятельствах, и даже когда Малиновский был разоблачен, находил аргументы в его оправдание. Аркадий Ваксберг в книге о Коллонтай «Валькирия революции» выдвигает предположение, что Ленин изначально знал о том, что Малиновский был сотрудником охранки и пользовался этим. Ленина устраивало, что Малиновский играл роль двойного-тройного-четверного агента, работая и на большевиков.

Судя по воспоминаниям современников, большевики изначально отличались от эсеров отсутствием идеализма. Ивановская пишет о большевичках: «В общем разница между людьми прошлого и представителями современного движения (*так она называла большевичек. – А.А.*) была и в теоретических взглядах, но еще более она выражалась в психологии. Они были более “индивидуальны, более узки, по большей части неосердечены”. Про значительную часть населявших тюрьму... (*членов партии социал-демократов. – А.А.*) надзирательницы говорили: “Какие они социалистки? Им бы для себя побольше удобств, заgreбистые все”... Два-три месяца считались почти предельным сроком заключения. После чего наши невольницы изнемогали, начинали ныть, хлопотать о поручках, подстегивая родных обивать пороги со слезницами»¹⁷.

Такое поведение было немыслимо для народоволок и эсеров. Для них идея служения народу была превыше личных выгод и удобств. В среде эсеров и народовольцев считалось зорным обращаться с какими бы то ни было просьбами к правительственным чиновникам, даже если речь шла о помиловании в связи со смертным приговором.

Таким образом, если все перипетии взаимоотношений социалистов-революционеров с предателями напоминали высокую античную трагедию, то социал-демократы воспринимали своих провокаторов, скорее, в русле циничной современной драмы; однако и в том, и в другом случае провокации являлись на революционной сцене как обратная сторона медали революционной борьбы.

1 Симбирцев Игорь. *На страже трона. Политический сыск при последних Романовых 1880-1917* (Центрополиграф, 2006), с. 366.

- 2 Там же, с. 26.
- 3 Там же, с. 141.
- 4 Ивановская П.С. «В боевой организации», *Женщины-террористки в России* (Ростов-на-Дону: Феникс, 1996), с. 140.
- 5 Спиридонова М. «Из жизни на Нерчинской каторге», *Женщины-террористки...*, с. 465.
- 6 Симбирцев Игорь. *На страже трона...*, с. 237.
- 7 Там же, с. 237.
- 8 Ивановская П.С. «В боевой организации», *Женщины-террористки...*, с. 112-113.
- 9 Там же, с. 114.
- 10 Там же, с. 69-70.
- 11 Попова Валентина. «Динамитные мастерские 1906-1907 гг. и провокатор Азеф», *Женщины-террористки...*, с. 193.
- 12 Там же, с. 194.
- 13 Измайлович А. «Из прошлого», *Женщины-террористки...*, с. 360.
- 14 Ивановская П.С. «В боевой организации», *Женщины-террористки...*, с. 66.
- 15 Спиридонова М. «Из жизни на Нерчинской каторге», *Женщины-террористки...*, с. 431.
- 16 Будницкий Олег. «Женщины-террористки: политика, психология, патология», *Женщины-террористки...*, с. 10-11.
- 17 Ивановская П.С. «В боевой организации», *Женщины-террористки...*, с. 144.